

В. Г. Белинский

**Аббаддонна. Сочинение
Николая Полевого...
Мечты и...**

Виссарион Григорьевич Белинский

**Аббаддонна. Сочинение
Николая Полевого... Мечты
и жизнь. Были и повести,
сочиненные Николаем
Полевым**

Это первая рецензия Белинского из серии его выступлений, специально посвященных Н. Полевому. Отношение к Полевому, журналисту, историку и писателю, издателю незадолго перед тем закрытого журнала «Московский телеграф» (1825–1834), показательно для позиции молодого Белинского. Белинский еще в «Литературных мечтаниях», вопреки традиционному отношению «Телескопа» и «Молвы» к Полевому, воздал должное издателю «Московского телеграфа». В данной же рецензии, подчеркивая свою свободу «от всякого влияния партий», Белинский высоко оценивает художественные произведения Полевого.

Содержание

#1	0005
Примечания	0018

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Аббаддонна. Сочинение
Николая Полевого... Мечты
и жизнь. Были и повести,
сочиненные Николаем
Полевым**

АББАДДОННА. Сочинение Николая Полевого. Москва, в типографии С. Селивановского. 1834. 4 части: I – 302; II – 246; III – 292; IV – 266. (12).

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ. Были и повести, сочиненные Николаем Полевым. Москва, в типографии Августа Семена, при императорской Медико-хирургической академии. 1834. 4 части: I – 258; II – 384; III – 305; IV – 261. (12).

Скучно и тошно читать ex officio[1] разные вздоры и нелепости, изобретаемые плодотворно бездарностью и бесстыдной меркантильностью; неприятно и досадно повторять тысячу раз одно и то же или разыгрывать разные вариации на одну и ту же тему; жалко и унижительно высказывать с грубою откровенностью резкие истины рыцарям печального образа и дразнить пискливое самолюбие литературных гусей! Зато как приятно и отрадно, взявши в руки какое-нибудь многотомное произведение российского пера, осудив себя a priori[2] на скуку и зевоту, а перо свое на беспощадную правду, обмануться в ожидании и, вместо пошлости, прочесть что-нибудь сносное и порядочное! Но приняться за чтение книги такого автора, имя которого обещает творение, хотя и не гениальное, но ознаменованное большею или меньшею степенью таланта, – и не обмануться в своей надежде, и быть в состоянии отдать должную справедливость подобному произведению: о, это верх блаженства для человека, свободного в своем образе мыслей от всякого влияния партий и чуждого всякого литературного сватовства и

кумовства! В деле литературы, как и в делах жизни, есть своя честность, своя добросовестность; но вместе с тем есть и свои неизбежные отношения, которые ставят иногда человека в необходимость быть пристрастным, нередко для поддержания своей репутации. Мир журнальный есть мир политической в миниатюре; в нем есть своя оппозиция, свои союзы, свои войны и примирения; кто не помнит прекрасной и остроумной статьи: «Обозрение журнальных кабинетов», помещенной в «Московском вестнике» за 1830 год? {1} Посему для посвященных в таинства журнального мира кажутся весьма понятны и извинительны такие явления, которые по справедливости возбуждают всё негодование непосвященных. Как бы то ни было, но, чуждый такого рода отношений, я чувствую всю цену моей независимости и спешу воспользоваться ею, чтобы высказать откровенно, по совести и разумению, мое мнение о романе г. Полевого. Я не намерен писать на него критики и принимать на себя важной роли судии неумолимого; нет: я хочу бросить только беглый взгляд, просто и без затей изложить, в

виде заметки, мое суждение, не как критика, но как простого любителя, представить читателям результат впечатлений, коими поразило меня это *новое* явление в нашей литературе.

«Аббаддонна» есть второй роман г. Полевого; первым его опытом в сем роде была «Клятва при гробе господнем». Как то, так и другое произведение не имеет себе образца и не похоже ни на какое сочинение того же рода в нашей литературе; но участь сих обоих произведений чрезвычайно различна: принятые с равною благосклонностию публикою, они были приняты различным образом нашими записными Аристархами. Первое было превознесено некоторыми из них до седьмого неба, так что поставлено чуть ли не выше всего, что есть лучшего в сем роде в европейских литературах; второе же, по мнению тех же самых людей, поставлено едва ли не наравне с изделиями г. Александра Орлова{2}. Не пускаясь в исследование любопытных причин столь противоположного мнения о двух произведениях одного и того же автора, я замечу мимоходом, что ни то, ни другое из

сих мнений несправедливо. «Клятва при гробе господнем», как мне кажется, ниже тех преувеличенных похвал, которыми столь бездоказательно осыпали ее наши неумытные литературные судьи; она едва ли заслуживает имя художественного произведения в полном смысле сего слова. Это есть просто попытка умного человека создать *русский роман*, или, лучше сказать, желание показать – как должно писать романы, содержание коих берется из русской истории. И в сем случае этот роман есть явление замечательное; одно уже то, что любовь играет в нем не главную, а побочную роль, достаточно доказывает, что г. Полевой вернее всех наших романистов понял поэзию русской жизни. В его произведении есть несколько мест высокого достоинства, есть много нового, интересного, как вообще в завязке и ходе всего романа, так и во многих ситуациях и характерах действующих лиц; но в целом он вял и скучен. Видно много ума, но мало фантазии, видно усилие, но не видно вдохновения.

«Аббадонна» несравненно выше «Клятвы при гробе господнем»; может быть, это проис-

ходит оттого, что здесь г. Полевой был, так сказать, более в своей тарелке, ибо вообще его талант, несмотря на всю его многосторонность, особенно торжествует в изображении таких предметов, которые имеют близкое отношение к нему самому по опыту жизни. Представить художника в борьбе с мелочами жизни и ничтожностью людей – вот тема, на которую г. Полевой пишет с особенною любовью и с особенным успехом: доказательством тому его повесть «Живописец» и рассматриваемый мною роман. Эти два произведения я почитаю лучшими произведениями г. Полевого: в них он сам является художником. Впрочем, его талант также весьма замечателен в юмористических картинах современной русской жизни и в превосходном изображении поэтической стороны наших простолюдинов; причина очевидна: то и другое ему слишком хорошо знакомо, а он, повторяю, не иначе может быть хорош, как в сфере, хорошо ему знакомой. Это есть общая участь таланта и составляет, по моему мнению, его главное отличие от гения. Гений может изображать верно и сильно такие чувствования и

положения, какие, по обстоятельствам его жизни, не могли быть им изведаны; *талант* всегда находится под могущественным влиянием или обстоятельств своей жизни, или индивидуальности своего характера и торжествует в изображении предметов, наиболее поражавших его чувство или ум; *гений* творит образы новые, никем даже не подозреваемые, не только что не виденные; *талант* только воплощает в новые формы вечные типы *гения*; оригинальность и красоты в создании *гения* суть результат одной его творческой силы; красоты же в произведении *таланта* суть следствие меньшей подчиненности влиянию *гения*, а особенность есть следствие более индивидуальности человека, нежели художника. Степенью сей-то подчиненности влиянию *гения* определяется сила таланта.

Основная мысль «Аббаддонны» не новость, хотя талант автора умел придать ей прелесть новости. Характеры персонажей, за исключением двух, все оригинальны и суть создания автора. Два же, а именно: Элеоноры и Генриэтты, суть пересозданные типы Шиллера, ко-

торым, впрочем, г. Полевой умел придать столько оригинальности, что они не кажутся сколками с своих образцов, а только напоминают их. Подобная подражательность, если только можно назвать ее подражательностью, заметна даже в некоторых положениях: кроме сходства в характерах, Элеонора и Генриэтта напоминают собою леди Мильтфорт и Луизу Шиллера и во взаимных отношениях между собою, как соперницы. Так, например, прекрасная сцена свидания Элеоноры с Генриэттою (ч. IV, стр. 78–95) напоминает сцену свидания леди Мильтфорт с Луизою. «И он передал ей душу свою – я видела это: у него привыкла она так смотреть, так говорить» (стр. 101). Эти слова исступленной любовью и ревностью Элеоноры показывают, что автору «Аббадонны», как будто в смутном сне, представлялась помянутая сцена из «Коварства и любви»^{3}, хотя его собственная от этого нимало не теряет в художественном достоинстве и имеет свой характер и свою оригинальность.

Говоря, что двое из главных персонажей «Аббадонны» *напоминают* типы Шиллера, я

отнюдь не имею целию унижать чрез то достоинство сего романа, а еще менее упрекать г. Полевого в *подражательности*. Смешно и думать, чтобы в наше время хотя сколько-нибудь образованный человек поставил в заглавии своего сочинения: *подражание такому-то* и стал бы объяснять в предисловии, что принадлежит в его сочинении собственно ему и что взято им напрокат из того или другого писателя; еще смешнее думать, чтобы в наше время человек с истинным талантом, сядя за перо с намерением создать что-нибудь, разложил перед собою творение гения и стал бы с него скопировывать. Нет: в создании истинного таланта нашего времени вы никогда не заметите этой пошлой подражательности, которая почиталась некогда необходимою принадлежностью чудовищных и безобразных произведений так называемых *классиков*. Этого мало: вы не всегда укажете на *одно* какое-нибудь известное произведение, которое было бы исключительным образцом оною; но вы всегда, или по крайней мере часто, откроете в нем следы влияния одного или даже и нескольких гениальных тво-

рений. Эта зависимость есть невольная дань таланта гению — дань, которую он часто платит ему бессознательно и без своего ведома. Так, например, исторический роман XIX века не есть изобретение Вальтера Скотта, ибо все роды в виде поэзии безусловны, и их прототипы скрываются в непреложных законах творчества; но я думаю, что Вальтер Скотт потому уже гений и стоит гораздо выше всех последовавших романистов, что он первый угадал этот род романа. Колумбы открывают неизвестные части мира, а Пизарры и Кортесы только довершают их открытия.

Вот главные персонажи «Аббаддонны», на коих сосредоточивается интерес романа: Вильгельм, молодой художник, создание, вполне принадлежащее г. Полевому, невольно привлекающее к себе внимание читателя, борется между влечением своего гения и обольщениями жизни, между голосом своего художнического призвания и сомнением в своем художническом призвании; Элеонора, чудное, дивное, высокое, прелестное создание, женщина, рожденная с душою пламенною и энергическою с страстями знойными и волка-

ническими, но увлеченная обстоятельствами в бездну разврата, превосходная актриса, иступленная жрица и поклонница изящного и вместе с тем презренная любовница сильного временщика, бездушного старичишки, испытывает над собою высокое таинство любви, очищается в ее священном пламени от ржавчины порока и восстает от своего падения в мощном, исполинском величии; потом Генриэтта, первая любовь Вильгельма, одно из этих милых, кротких созданий, немочек-кухарочек, которых я люблю до смерти и которых еще никогда не видывал, которые обещают избранному ими юноше и супружескую верность до гроба, и вкусно сваренный суп из картофеля, и тихое упоение романтической любви, и самый классический порядок в доме и на погребке, которые сначала изображаются с серафимскими крыльями, а потом с связкою ключей, которые, наконец, начинают свое поприще идеалами, а оканчивают кухнею и прачечною, – Генриэтта испытывает муки отверженной любви и возбуждает в душе читателя живейшее сострадание к своему положению. Второстепенные лица также интересны.

Рассказ вообще живой и занимательный; положения по большей части новые и оригинальные; обрисовка характеров мастерская, обличающая руку твердую и резкую; множество картин и описаний истинно художественных, каковы: представление Арминия, сцена в беседке, вольный перевод из Сутея индийской легенды «Аллоа», столкновение Вильгельма с двором князя и с могущественным бароном Калькопфом, поездка Вильгельма на родину и уже упомянутая мною прекрасная сцена свидания Элеоноры с Генриэттою, изображение директора театра, литераторов, поэтов, журналистов, ученых, ползающих поочередно перед сильными, закулисные тайны, то есть театр во время репетиций и до поднятия занавеса; наконец, прекрасный слог – вот достоинства нового произведения г. Полевого. В нем целость выдержана, по крайней мере *пока*, ибо этот роман еще не составляет целого; его продолжение и окончание будет в другом романе. За одно только можно упрекнуть автора: это за излишнюю говорливость, которая иногда переходит в совершенную болтливость; между многими прекрас-

ными мыслями у него, особенно в первой части, встречаются места, состоящие из сентенций, решительно пошлых. Конечно, подобные *пошлые* сентенции могли бы составить блеск и украшение романов *иных* авторов, пользующихся на святой Руси большим авторитетом, но как-то неприятно и досадно встречать их в романе г. Полевого. Желаем и с нетерпением ожидаем, чтобы второй роман, служащий окончанием «Аббаддонне», вышел как можно скорее{4}, и благодарим г. Полевого, что он, литератор Москвы, подарил нашу публику хорошим произведением, тогда как петербургские литераторы потчуют ее заплесневелыми крохами с убогой трапезы Поль до Кока, Жанлис и Дюкре-Дюмениля с братиею.

Что касается до повестей г. Полевого, об них вообще можно сказать то же, что и об «Аббаддонне»: это создания не вековые, не генияльные, но ознаменованные печатью сильного таланта. В четырех частях его «Мечты и жизнь» заключается пять повестей: «Блаженство безумия», «Эмма», «Живописец», «Мешок с золотом» и «Рассказы русского сол-

дата». Первая слишком как-то напоминает Гофмана, но отличается мастерским рассказом; вообще большинство голосов остается на стороне «Эммы»; но мне больше всего нравится «Живописец»; самая слабая повесть есть «Мешок с золотом», но «Рассказы русского солдата» – это прелесть! В этой пьесе так много чувства, так много оригинальности и верности в изображении чувств и понятий простолюдинов, что с нею не может идти ни в какое сравнение ни одна повесть, взятая из простонародной жизни. Истина вымысла доведена в ней до совершенства, так что когда прочитаешь эту повесть, то все писанные в одном с нею роде покажутся бледными и искаженными копиями. Странно, почему г. Полевой не поместил в своих «Мечты и жизнь» своей прекрасной исторической повести «Симеон Кирдяпа» и своих занимательных «Святочных вечеров»?{5}

Примечания

Аббаддонна. Сочинение Николая Полевого... Мечты и жизнь. Были и повести, сочиненные Николаем Полевым (с. 370–375). Впервые – «Молва», 1835, ч. IX, № 11, «Новые книги», стлб. 172–180 (ц. р. 15 марта). Подпись: (-он-инский). Вошло в КСсБ, ч. I, с. 335–343.

Это первая рецензия Белинского из серии его выступлений, специально посвященных Н. Полевому. Отношение к Полевому, журналисту, историку и писателю, издателю незадолго перед тем закрытого журнала «Московский телеграф» (1825–1834), показательно для позиции молодого Белинского. Долгие годы Надеждина и Полевого разделяла непримиримая вражда, проистекавшая из философских, литературных, политических различий в позиции обоих журналистов. Надеждин осуждал как романтическую ориентацию «Московского телеграфа», так и его политическую оппозиционность. Полемика осложнялась личным соперничеством двух литераторов, упорной борьбой за читательскую аудито-

рию.

Белинский еще в «Литературных мечтаниях», вопреки традиционному отношению «Телескопа» и «Молвы» к Полевому, воздал должное издателю «Московского телеграфа» (см. наст. т., с.110). В данной же рецензии, подчеркивая свою свободу «от всякого влияния партий», Белинский высоко оценивает художественные произведения Полевого. Эта характеристика была развита затем в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя».

К моменту публикации настоящей рецензии происходит и личное сближение обоих литераторов. Кс. Полевой вспоминал: «...Белинский сделался постоянным гостем у брата моего и у меня. Эта приязнь была совершенно бескорыстной как с нашей, так и с его стороны» (Полевой, с. 343).

Наиболее яркий документ, отражающий взаимоотношения двух литераторов, – письмо Белинского к Полевому от 26 апреля 1835 г. Принимая на себя руководство «Телескопом», в связи с отъездом Надеждина за границу, Белинский выражает желание «иметь своим читателем того человека, который с таким

благородным и беспримерным самоотвержением старался водрузить на родной земле хоругвь века, который воспитал своим журналом несколько юных поколений и сделался вечным образцом журналиста».

Во второй половине 30-х годов отношения Белинского к Полевому становятся враждебными. Это объясняется и изменением позиции Полевого, который после переезда в Петербург в конце 1837 года «в пять дней стал верноподданным» (выражение Герцена), и углублением философских интересов Белинского, который теперь осуждает поверхностность и эклектизм литературных теорий Полевого.

Объективную оценку деятельности Н. Полевого Белинский дал в брошюре «Николай Алексеевич Полевой» (СПб., 1846), написанной после смерти писателя (см. наст. изд., т. 8).

Сноски

1

по должности (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

2

заранее, до опыта (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Речь идет о большой статье «Взгляд на кабинеты журналов и политические их отношения между собою», публиковавшейся в «Московском вестнике» в 1830 г., за подписью: №№ (чч. II–VI). Статья написана М. Погодиным при некотором участии других авторов, в частности Надеждина (см.: Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III. СПб., 1890, с. 87).

[^^^]

До Белинского с рецензией на «Аббаддонну» выступил В. Плаксин («Сын отечества и Северный архив», 1835, т. XLVII, № 7; ц. р. 4 января), похваливший «главную идею» романа («жизнь убивает поэзию, поэзия издевается над жизнью»), но отметивший недоконченность изображения, отсутствие легкости в слоге и т. д. Другой роман, «Клятва при гробе господнем», очень высоко оценил А. Марлинский в специальной статье об этом романе (см. прим. 27 к «Литературным мечтаниям»). Кто поставил «Аббаддонну» чуть «не наравне с изделиями» А. Орлова, установить не удалось.

[^^^]

3

Речь идет о 7-й сцене IV акта трагедии. Леди Мильтфорд говорит здесь Луизе почти те же слова, намекая на Фердинанда: «Это у тебя не врожденное величие, и его не мог внушить тебе отец... Я слышу голос другого учителя».

[^^^]

4

Продолжение романа (два отрывка) Н. Полевой напечатал в «Сыне отечества», 1838, т. IV и V. Второе издание романа – и вновь «без конца», как отмечал Белинский в специальной рецензии, вышло в 1840 г. В этой рецензии (см. наст. изд., т. 3) критик более строго оценил роман, отметив в нем черты идеальности, прекраснодушия.

[^^^]

«Симеон Кирдяпа (Русская быль XIV века)» опубликован в «Московском телеграфе», 1828, ч. XIX, № 1–3; «Святочные рассказы» (а не вечера) опубликованы в «Московском телеграфе» (1826, ч. XII, № 23, 24).

[^^^]

[^^^]